

**Путь: Орган русской
религиозной мысли**

12. Август 1928

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
П90

П90 Путь: Орган русской религиозной мысли: 12. Август 1928 / – М.: Книга по Требованию, 2020. – 126 с.

ISBN 978-5-458-23486-3

«Путь: Орган русской религиозной мысли» журнал, издававшийся в Париже с сентября 1925 г. по март 1940 г., собравший на своих страницах все философские и богословские силы русской эмиграции. В редакционной статье «Духовные задачи русской эмиграции» («Путь», 1. Сентябрь 1925 г.) отмечалось, что журнал ставит своей целью сохранение преемственности в процессе существования русской духовной культуры, а также стремится к преодолению сформировавшейся к тому времени эмигрантской психологии, сильно политизированной и противоречивой в своем отношении к Русской Православной Церкви и Советской России, что создавало угрозу раскола русской эмиграции. Журнал «Путь» был изданием Религиозно-Философской академии (Париж), его редактором и вдохновителем был Н.А. Бердяев, соредактором Б.П. Вышеславцев, среди сотрудников Н. С. Арсеньев (1888-1977), С. С. Безобразов (впоследствии епископ Кассиан; 1892-1965), протоиерей Сергей Булгаков, Л. А. Зандер (1893-1934), В. В. Зеньковский, Л. П. Карсавин (1882-1952), А. В. Карташев (1875-1960), Н. О. Лосский, П. Н. Савицкий (1895-1968), кн. Н. С. Трубецкой (1890-1938), протоиерей Георгий Флоровский (1893-1950), С. Л. Франк (1877- 1950) и др. В дальнейшем состав сотрудников менялся, привлекались также немецкие и английские корреспонденты (Ж. Маритен, П. Тиллих, С. Оллард и др.). Всего с журналом за 15 лет его существования сотрудничали около 130 человек. Журнал насчитывал 61 выпуск при тираже 1000 1200 экземпляров. По своему формату это было интеллектуальное богословско-философское периодическое издание, включающее наряду с академическими статьями, публицистику, эссе, письма, мемуары. Библиотека Энциклопедия

ISBN 978-5-458-23486-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2020

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2020

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

тѣйшій Синодъ»... Только въ Николаевское время этотъ замыселъ низвести Помѣстную Церковь на степень «синодальнаго департамента» получаетъ прямое и откровенное выраженіе, — въ лапидарныхъ формулахъ Основныхъ Законовъ, въ Сводѣ 1832 года. «Императоръ яко христіанскій государь, есть *верховный* защитникъ и *хранитель догматовъ* господствующей вѣры и блюститель правовѣрія и всякаго въ Церкви Святой благочинія. Въ семъ смыслѣ Императоръ въ актѣ о наслѣдїи престола (1797 апр. 5) именуется *Главою Церкви*. — Въ управленїи церковномъ *Самодержавная власть дѣйствуетъ посредствомъ Святѣйшаго Правительствующаго Синода, ея учрежденнаго* (ст. 42 и 43). Эти формулы выкованы и отчеканены, повидимому, самимъ Сперанскимъ. И въ нихъ четко и вѣрно передано государственное самочувствіе и самоопредѣленіе: въ нихъ договорена до конца мысль Петра, считавшаго себя «крайнимъ судією» Духовной Коллегїи и открыто возводившаго ея полномочія къ своей самодержавной власти, — «когда подъ державнымъ Монархомъ и отъ Монарха уставлена»...

Эти государственныя притязанія были и оставались одностороннимъ изъявленіемъ мірской власти. Никогда не были они воспризнаны и скрѣплены церковнымъ согласіемъ и волей. Церковь видѣла въ нихъ «посѣщеніе Божіе», и отвѣчала на нихъ внутреннимъ собираніемъ, уходила во «внутреннюю пустыню». «Церковь страдала и въ прежнія времена, страдаетъ и теперь», писалъ въ 1842 году Филаретъ (Гумилевскій), впоследствии Архіепископъ Черниговскій. «Церковь въ прежнія времена страдая оставляла до времени тяготѣть несправедливымъ волямъ, коль скоро онѣ еще не нарушали основныхъ правилъ Церкви. То-же и теперь дѣлаетъ она. Какъ прежде, такъ и нынѣ, при случаяхъ она даетъ чувствовать, что

только по любви ко кресту снисходить слабостямъ человѣческимъ»... При молчаливомъ и страдальческомъ противленіи Церкви осуществлялось въ жизни притягаемое «государственное верховенство», не сразу и съ перебоями. Только съ началомъ XIX-го вѣка синодальная оберъ-прокуратура изъ органа государственнаго наблюденія и надзора при «синодальной командѣ» превращается въ органъ власти. Синодальное управленіе слагается въ «вѣдомство грско-россійскаго исповѣданія», — «подъ главнымъ начальствомъ оберъ-прокурора». И государственная власть не ограничивается областью церковнаго управленія. Она вмѣшивается и во внутреннюю церковную жизнь, стремится и ее подчинить своимъ началамъ. Эти начала мѣнялись. Въ эпоху Священнаго Союза это была идея «внутренняго христіанства». Въ Николаевскія времена это было «истинное древнее вѣроученіе», опредѣляемое мірскими силами по случайнымъ образцамъ. Но смыслъ государственныхъ притязаній всегда оставался однимъ и тѣмъ же. Это было государственное наступленіе и осада Церкви.

И на М. Филарета упала густая тѣнь глухого и нѣмого Николаевскаго времени. Самъ онъ со-всѣмъ не былъ человѣкомъ этой жестокой эпохи. Николаевскіе люди считали его чужимъ для себя и опаснымъ. Недаромъ долгіе годы былъ онъ подѣ подозрѣніемъ и даже подѣ прямымъ надзоромъ. М. Филаретъ слишкомъ внятно и твердо напоминалъ о церковной независимости и свободѣ, напоминалъ о предѣлахъ государства. И въ этомъ рѣзко и непримиримо расходился со своей эпохой, со всѣмъ государственнымъ самоопредѣленіемъ новой, Петербургской Россіи. Филаретъ былъ очень молчаливъ и сдержанъ въ словѣ. Напряженнымъ и мужественнымъ молчаніемъ онъ едва покрывалъ и смирялъ свое безпокойство о происходив-

шемъ. Сквозь суету и смуту событій онъ видѣлъ и угадывалъ грозящія знаменія надлежащаго и праведнаго прещенія Божія. Наступили лукавые и судные дни, — «кажется, уже и мы живемъ въ предмѣстїяхъ Вавилона, если не въ немъ самомъ», опасался онъ... «Прискорбна душа моя», признавался Филаретъ однажды. «Мнѣ кажется, что судъ, начинающійся отъ дома Божія, болѣе и болѣе открывается... Какъ густо идетъ дымъ изъ студенца бездны и какъ высоко поднимается»... И только въ покаянїи видѣлъ онъ исходъ, во всеобщемъ покаянїи «за многіе, особенно за послѣдніе годы»...

У Филарета была своя государственная теорія, теорія священнаго царства. И въ ней не было и не могло быть мѣста для началъ государственнаго верховенства. Именно потому, что сущія власти отъ Бога учинены суть, и государи властвуютъ милостію Божіей, Царство имѣетъ характеръ всецѣло подчиненный и служебный. «Государство, какъ государство, не подчинено Церкви», и потому служителямъ Церкви еще въ Апостольскихъ правилахъ строго возбраняется «вдаваться въ народныя управленія». Не извнѣ, но изнутри христіанское государство должно быть связано Закономъ Божіимъ и церковнымъ уставомъ. Въ представленїи М. Филарета государство есть нравственный союзъ, «союзъ свободныхъ нравственныхъ существъ», и союзъ, обоснованный на взаимномъ служенїи и любви, — «нѣкоторый участокъ во всеобщемъ владычествѣ Вседержителя, отдѣленный по наружности, но невидимую властію сопряженный съ единствомъ всецѣлаго»... И въ началѣ служенія обоснованіе власти. Въ христіанскомъ государѣ Филаретъ видѣлъ Помазанника Божія, и передъ знаменїемъ Божія благоволенія благоговѣнно склонялся. *«Государь всю законность свою получаетъ отъ церковнаго помазанія»*, т. е. въ Церкви и черезъ Церковь. Здѣсь Царство склоняется

предъ Священствомъ и приѣмлетъ на себя обѣтъ церковнаго служенія и послушанія. И этимъ опредѣляется мѣсто Государя въ Церкви, его право на участіе въ дѣлахъ церковныхъ. Онъ имѣетъ его не въ порядкѣ самодержавія и власти, но именно въ порядкѣ послушанія и обѣта. И это право не распространяется и не переходитъ на органы государственнаго управленія, и между Государемъ и Церковію не можетъ и не должно быть никакого средостѣнія и посредства. Помазуются Государь, но не государство. Въ Церковь входитъ Государь, но государство, какъ таковое, остается внѣ Церкви. И потому не имѣетъ въ Церкви никакихъ правъ и полномочій. Никакъ и никогда не можетъ оно быть ни источникомъ, ни органомъ церковнаго законодательства и управленія. Въ своемъ внутреннемъ устройствѣ Церковь совершенно независима, и не нуждается въ помощи и защитѣ мірской власти, — «не боится алтарь паденія и безъ сего покровительства». Ибо Церковь управляется самимъ Христомъ, распредѣляющимъ и осуществляющимъ «собственное епископство душъ» чрезъ апостольское священноначаліе, которое «не сходствуетъ ни съ однимъ родомъ правленія мірскаго».

Въ Церкви есть свое собственное и неприкосновенное законодательство, сила и полномочія котораго превышаютъ всякую земную мѣру. «Иисусъ Христосъ не начерталъ для нея въ словѣ Своемъ подробнаго и единообразнаго постановленія, дабы царство Его не показалось сущимъ отъ міра сего»... У Церкви есть свой особый образъ дѣйствія — въ молитвѣ, въ служеніи таинствъ, въ назиданіи и пастырскомъ попеченіи. И для дѣйствительнаго воздѣйствія на общественную жизнь, для ея дѣйствительнаго воцерковленія, по мысли М. Филарета, совсѣмъ не нужно вмѣшательства іерархіи въ мірскія дѣла, — «не столько нужно то, чтобы епископъ засѣдалъ въ правительственномъ собраніи

вельможъ, сколько то, чтобы вельможи и благородные мужи чаще и усерднѣе вмѣстѣ съ епископомъ окружали алтарь Господень»... Со всею опредѣленностью М. Филаретъ всегда проводилъ твердую грань между государственнымъ и церковными порядками. Конечно, онъ не требовалъ и не желалъ отдѣленія Церкви отъ Государства, ибо въ дѣйствительности это было бы отдѣленіемъ Государства отъ Церкви, его удаленіемъ отъ Церкви въ произволъ мірской суеты. Но съ тѣмъ вмѣстѣ всегда рѣзко подчеркивалъ совершенную разнородность и особенность Государства и Церкви. Церковь не можетъ быть въ Государствѣ, и Государство не должно быть въ Церкви, — «единство и гармонія» между ними должны осуществляться въ единствѣ творческаго осуществленія заповѣдей Божіихъ.

Не трудно понять, какъ далека и чужда былъ такой образъ мыслей для государственныхъ дѣятелей Николаевского духа и времени, и какимъ притязательнымъ и жетскимъ казался онъ имъ. Филаретъ не вѣрилъ въ силу обличеній и порицаній. Внѣшнимъ формамъ жизни онъ не придавалъ большого значенія, — «нужно не какое либо преобразование, а выборъ людей и надзоръ», говорилъ онъ. И прежде всего нуженъ внутренній творческій подъемъ, собираніе и обновленіе духовныхъ силъ. Нужно усиленіе творческой активности, укрѣпленіе и усиленіе церковной и пастырской свободы. Въ противовѣсъ государственному наступленію М. Филаретъ думалъ о возстановленіи живого единства помѣстнаго епископата, осуществляемаго въ постоянномъ совѣщательномъ общеніи сопастырей и епископовъ и закрѣпляемомъ по временамъ малыми съѣздами и соборами, пока станетъ внутренне возможнымъ и осуществимымъ и общій помѣстный соборъ. М. Филаретъ всегда подчеркивалъ, что «мы живемъ въ Церкви воинствующей»...

И съ горечью сознавался, что «количество погрѣшностей и неосторожностей, накопленныхъ не однимъ уже вѣкомъ, едва ли не превышаетъ силы и средства исправленія»... Филаретъ не былъ чело-вѣкомъ борьбы, и тяготился «пребываніемъ въ молвѣ и попеченіяхъ града и дѣлъ человѣческихъ». Онъ жилъ ожиданіемъ «того вѣчно безопаснаго града, изъ котораго не нужно будетъ убѣгать ни въ какую пустыню». Ему хотѣлъ удалиться, бѣгая, и виѣ мятежа дѣлъ молиться о милости и о долготерпѣніи Божиѣмъ, о «защитѣ свыше».

Филаретъ родился въ тихой и глухой Коломнѣ. Онъ прошелъ старую дореформенную школу, въ которой учили по латыни и по латинскимъ книгамъ. Впрочемъ, въ Троицкой Лаврской семинаріи, въ которой онъ учился и потомъ училъ, этотъ схоластическій духъ былъ смягченъ и умѣренъ тѣмъ своеобразнымъ воцерковленнымъ сентиментализмомъ, яркая печать котораго лежитъ между прочимъ на твореніяхъ Святителя Тихона. Въ Москвѣ его выразителемъ былъ престарѣлый митрополитъ Платонъ (Левшинъ). Въ платоновой школѣ не только упражняли умъ, но прежде всего развивали сердце и пробуждали въ немъ «теплое благочестіе» и кроткую чувствительность. — Изъ тихаго Лавр-скаго пріюта, обвѣяннаго благочестивою мечтательностью, новоначальнымъ инокомъ іеродиаконъ Филаретъ былъ въ 1809 году вызванъ въ С.-Петербур-гъ «для усмотрѣнія». И странно показалось ему въ Невской столицѣ, — «ходъ здѣшнихъ дѣлъ весьма для меня непонятенъ», признавался онъ тогда же въ письмахъ къ отцу. Въ Синодѣ его встрѣтили совѣтами читать «Шеденберговы чудеса». И повезли его смотрѣть придворный фейерверкъ и маскарадъ; и здѣсь, буквально «средь шумнаго бала», представили его синодальному оберъ-прокурору. Надолго запомнились Филарету эти первыя впечатлѣнія... «Вотъ торопливо идетъ

по двору какой-то небольшого роста человекъ украшенный звѣздой и лентой, при шпагѣ, съ трехугольной шляпой и въ чемъ-то, плащъ не плащъ, въ какой-то шелковой накидкѣ сверхъ вышитаго мундира. Вотъ взобрался онъ на хоры, гдѣ чинно расположилось духовенство. Вертляво расхаживаетъ онъ посреди членовъ Св. Синода, киваетъ имъ головой, пожимаетъ ихъ руки, мимоходомъ запросто молвить словцо тому или другому, — и никто не дивится ни на его нарядъ, ни на свободное обращеніе его съ ними»...

«Смѣшенъ былъ я тогда въ глазахъ членовъ Синода», вспоминалъ Филаретъ, — такъ я и остался чудакомъ»...

«Дней Александровыхъ прекрасное начало» было временевъ остраго религіозно-общественнаго возбужденія. Это былъ отвѣтъ на только-что пережитый періодъ просвѣщенскаго невѣрія и вольнодумства. Но отъ западнаго яда и противоядіе искали на томъ-же Западѣ. Усилилась инославная пропаганда. Оживилась дѣятельность іезуитскаго ордена, нѣкогда сохраненнаго отъ папскаго прещенія рвеніемъ Екатерининскаго правительства. Возобновились и умножились масонскія ложи. И въ Россію хлынулъ бурный потокъ западнаго мистицизма, квіетическаго и протестантскаго. Для преподаванія во вновь учрежденной Петербургской Духовной Академіи по совѣту Сперанскаго и Лодія былъ вызванъ изъ Германіи И. А. Феслеръ, крупнѣйшій изъ тогдашнихъ масонскихъ дѣятелей и реформаторъ нѣмецкаго масонства. Есть извѣстіе, что въ Петербургскую ложу Фесслера входилъ и Сперанскій, питавшій будто-бы мечту о преобразованіи русскаго духовенства путемъ обязательнаго привлеченія наиболѣе способныхъ изъ него лицъ въ масонскія организаци. Впрочемъ въ Духовной Академіи Феслеръ пробылъ недолго, былъ опознанъ, какъ «человекъ опаснаго образа мыслей»

и удаленъ изъ нея, повидимому, за проповѣдь социанскихъ идей; Сперанскій далъ ему мѣсто въ своей канцеляріи. Послѣ отечественной войны и съ заключеніемъ Священнаго Союза мистическое движеніе получаетъ внѣшнюю и государственную организацію. Его органами становится Библейское Общество и въ особенности «двойное министерство», Министерство духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія. Въ учрежденіи «двойнаго министерства» мистическое мечтаніе скрещивалось съ идеею государственнаго главенства, — государство опознавало свое религіозное призваніе и стремилось осуществлять его само собою, въ обходъ Церкви. Въ «духовномъ министерствѣ» отражалась и воплощалась идея Священнаго Союза, — «сей актъ», писалъ кн. Голицынъ о Св. Синодѣ, «нельзя не признать иначе, какъ предуготовленіемъ къ тому обѣщанному царствію Господа на землѣ, которое будетъ яко на небеси». Священный Союзъ былъ опытомъ осуществить Царствіе Божіе въ формахъ государственной организаціи и мѣрами мірскаго воздѣйствія и власти. Духовное министерство для осуществленія этой задачи и учреждалось, — для объединенія всѣхъ дѣйствій въ области вѣры и обоснованіи «истиннаго просвѣщенія», на началахъ всехристіанскаго благочестія. Объединеніе достигалось отвлеченіемъ отъ вѣроисповѣдныхъ и догматическихъ различій; по выраженію одного современника, всѣ религіи «уоставили врьдъ и распрѣдѣлили по отдѣленіямъ и столамъ». Св. Синодъ былъ фактически низведенъ на степень іерархическаго совѣщанія при одномъ изъ департаментскихъ отдѣленій, — дѣйствительнымъ главой и руководителемъ «синодальнаго вѣдомства» оазывался Министръ Духовныхъ Дѣлъ, — «все стихло и духъ монарха водворился въ Синодѣ». Это было самымъ прочнымъ достиженіемъ. Паденіе «духовнаго министерства», «сего ига египет-

скаго» надъ Церковью, какъ выразался Новгородскій митрополитъ Серафимъ, удаленіе «слѣпотствующаго министра», князя Голицына, — все это нисколько не измѣнило положенія дѣлъ. Противники мистицизма продолжали дѣло своихъ враговъ, продолжали осаду и плѣненіе Церкви...

Съ Петровскихъ временъ пастырское дѣйствованіе Церкви было стѣснено и сковано. Не только внѣшними преградами и ограниченіями, но еще болѣе внутреннимъ обезсиливаніемъ духовенства. Съ Петровскихъ временъ духовенство было мѣрами власти превращено въ замкнутое сословіе и оттѣснено въ соціальныя низы. При такихъ условіяхъ творческое безсиліе пастырей Церкви вполне понятно.

Филаретъ былъ вызванъ въ Петербургъ для ученыхъ цѣлей, для преподаванія въ преобразованной Академіи. Ему достался тяжкій и суровый искусь, — «миѣ должно было преподавать, что не было мною преподано» вспоминалъ онъ впоследствии. За короткій срокъ, съ 1810 по 1817 г., ему пришлось прочесть почти полный курсъ богословскихъ наукъ въ самомъ широкомъ объемѣ со включеніемъ не только библейской экзегетики и исторіи, но и каноническаго права («богословіе правительственное» *Theologia rectrix*) и древностей церковныхъ. Работать ему приходилось по первоисточникамъ, при слабомъ пособіи инославной литературы. Плодомъ этой работы явились его знаменитыя «Записки на книгу Бытія» (1816 г.) и «Начертаніе церковно-библейской исторіи» (181г.). Устарѣвшія къ нашему времени, обѣ книги знаменуютъ важный этапъ въ становленіи русской богословской науки. Филарету не удалось высказаться вполне, связно и систематически. Его богословское исповѣданіе осталось незавершеннымъ дѣломъ, — *opus imperfectum*. Въ лучшіе и зрѣлыя годы онъ могъ богословствовать только по случаю,

почти исключительно съ церковнаго амвона, да еще въ частныхъ письмахъ. И тѣмъ не менѣе и по отрывкамъ сразу возстанавливается именно цѣлостная система богословскаго созерцанія, четко расчлененная по основнымъ началамъ. Три основныхъ идеи опредѣляютъ богословское дѣло Филарета. И первое, это — паѳосъ богословской свободы и творчества. Второе — переходъ въ богословіи на русскій складъ, прежде всего, на русскій языкъ; по тому времени это былъ трудный и важный шагъ. И третье — богословствованіе по первоисточникамъ прежде всего на библейскомъ основаніи, и въ духѣ девнихъ отцовъ. Филаретъ былъ только начинателемъ, конечно, не совсѣмъ безъ предшественниковъ. А послѣдователями его явились въ сущности всѣ русскіе богословы прошлаго вѣка.

Съ особымъ удареніемъ Филаретъ всегда подчеркивалъ совершенную *необходимость богословствованія*, какъ обязательной и неотъемлемой стороны цѣлостной духовной жизни. «Христіанство не есть юродство или невѣжество, но премудрость Божія», объ этомъ онъ постоянно упоминалъ; и потому вѣрующій не долженъ и не смѣетъ оставаться при однихъ только начаткахъ Христова ученія, но долженъ все глубже уходить въ созерцаніе, размышленіе о Богѣ. Филаретъ постоянно призывалъ къ тому, «чтобы никакую, даже въ тайнѣ сокровенную премудрость не почитали (мы) для насъ чуждою и до насъ не принадлежащею, но со смиреніемъ устроили умъ свой по Божественному созерцанію»... Только въ постиженіи и разумѣніи истины складывается и образуется «совершенный божій человекъ». «*Богословіе разсуждаетъ,*» это любимое выраженіе Филарета; и заповѣдь разсужденія, заповѣдь богомыслія дана не немногимъ, но всѣмъ. И потому не можетъ и не должно быть богословіе только школьнымъ предметомъ или дис-